

СПЕЦИФИКА ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РОМАНА «АНИМАТОР» А. ВОЛОСА

Раджабова Дильбар Эргашевны,
преподаватель-стажер
факультета Журналистики и узбекской филологии
НУУ им. Мирзо Улугбека
E-mail: radjabovanadejda5@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются пространственно-временные отношения, которые объединяют вокруг себя все смысловые центры, занимающие ключевое место в сюжете романа скрупулезно А. Волоса «Аниматор» и позволяющие раскрытию внутренних мотивов поведения персонажей, а также и создает реалистичную картину мира произведений.

Ключевые слова: хронотоп, пространственно-временная организация романа, анимацентр, временные маркеры.

Abstract. This article examines the spatio-temporal relations that unite all the semantic centers around them, which occupy a key place in the plot of the novel scrupulously by A. Volos "Animator" and allow revealing the internal motives of the characters' behavior, as well as creates a realistic picture of the world of works.

Key words: chronotope, space-time organization of novel, animacenter, time markers.

Annotatsiya. Mazkur maqolada A. Volosning "Animator" romani syujetida muhim o'rin tutuvchi barcha ma'no markazlarini o'z atrofida birlashtiradigan makon-vaqt munosabatlari tahlil qilinadi. Ushbu munosabatlar personajlar xatti-harakatlarining ichki motivlarini ochib berishga xizmat qiladi, shuningdek, asarda tasvirlangan badiiy olamning realistik manzarasini yaratadi.

Kalit so'zlar: xronotop, romanning makon-vaqt tashkiloti, animatsentr, vaqt markerlari.

Введение. Андрей Германович Волос – автор, проза которого глубоко укоренена в постсоветской травматике и в культуре пограничных состояний. Его романы исследуют опыт человека, вытесненного из привычной культуры, языка и пространства. Художественная модель мира у А. Волоса строится через организованное пространство и время.

Обращаясь к классической формулировке Михаила Бахтина, напомним: хронотоп – это единство пространственно-временных отношений, воплощённых в художественной форме [1, с.286]. У Волоса он становится не просто декорацией, а активной смысловой категорией – выражением памяти, распада, перехода, возвращения. Роман Андрея Волоса «Аниматор» выстраивается как особая художественная модель, в центре которой находится не движение героя и не развертывание сюжета, а пребывание человека в предельном состоянии. Уже на уровне общей композиции становится очевидно, что перед нами текст, в котором хронотоп не организует повествование в привычном смысле, а, напротив, фиксирует его остановку, застревание в моменте, который не может быть преодолен.

Теоретическая основа. Структура времени в «Аниматоре», на наш взгляд, принципиально отличаются от классических форм романного времени. Здесь отсутствует направленность к будущему, нет отчетливой перспективы развития или

трансформации героя. Время не ведет персонажа вперед, оно удерживает его в состоянии постоянного напряжения, близкого к истощению. Это не путь, не инициация и не возвращение, а длительное существование внутри кризиса, который перестает быть событием и становится формой бытия.

Пространственно-временная организация романа подчинена логике предельного опыта. Пространства, в которых разворачивается действие замкнуты, функциональны, лишены символики роста или спасения. Время в этих пространствах не течет, а накапливается, уплотняется, создавая ощущение вязкости и неподвижности. Герой существует как бы не «во времени», а внутри него, словно погруженный в плотную среду, сопротивляющуюся любому движению.

Основная часть. Особенность хронотопа «Аниматора» заключается в том, что он моделирует не момент катастрофы, а жизнь после нее, когда катастрофическое уже произошло, но не завершилось. Это состояние «после», лишенное финала, где каждый следующий день не отменяет предыдущий, а лишь воспроизводит его: «Никифоров сглотнул и нерешительно протянул руку. Кажется, вот эту... вот эту клемму Синяк подкручивал. Он коснулся желто-красного металла – и увидел розовое небо и большую синюю бабочку, такую яркую, что резало глаза. Бабочка! – удивленно сказал Никифоров, покорно раскрывая ладонь. Он лежал на полу, а струйка дыма плыла в потревоженном воздухе, медленно расслаиваясь на отдельные волокна» [2, с. 34]. Таким образом, хронотоп романа фиксирует особый тип экзистенциального времени, в котором повтор становится основной формой существования.

В этом смысле «Аниматор» А.Волоса можно рассматривать как роман хронотопической предельности, где пространство и время организованы вокруг опыта границы между жизнью и смертью, реальностью и симуляцией, памятью и настоящим. Этот хронотоп не допускает выхода за свои пределы. Он не предполагает катарсиса, разрешения или смыслового итога. Напротив, он удерживает героя и читателя внутри состояния, которое не может быть преодолено, но может быть лишь пережито.

Следует отметить, что такая установка определяет структуру модели хронотопа романа, в котором ключевыми оказываются институциональные пространства, пороговые ситуации, кризисное время и особая роль тела как носителя предельного опыта. В этом отношении хронотоп романа оказывается близок к тому, что М. М. Бахтин определял как хронотоп кризиса и порога, однако у А.Волоса порог утрачивает свою переходную функцию. Он не ведет к новому состоянию, не открывает перспективы обновления. Порог здесь фиксирован, он растянут во времени и превращен в форму длительного пребывания. Человек оказывается застрявшим в моменте между жизнью и смертью, между действием и невозможностью действовать: «Человек еще не чувствует запах газа, а она уже

умирает... А я еще был в порядке. Меня не брало. Я успел намочить платки. И плотно закрыл ей рот и нос мокрым платком. И себе – тоже. А секунд через сорок все-таки отключился. Но, должно быть, какая-то доля мозга требовала, чтобы я спасал ее, спасал! И я спасал. Рука конвульсивно спасала, зажимая мокрым платком ее дыхательные пути. И перестаралась. В сущности, я ее просто задушил. В сознании она стала бы сопротивляться... но ведь она была без чувств...» [2, с. 266].

Важно подчеркнуть, что кризис в «Аниматоре» не локализуется в одном событии или эпизоде. Он рассредоточен по всему тексту, пронизывает бытовые сцены, профессиональные действия, внутренние монологи героя: «Стоп, да почему в ней обязательно должно быть что-то от Клары? Почему в каждой женщине я должен искать что-то от Клары? Зачем? Почему я не могу сказать себе раз и навсегда: Клара разлюбила тебя, Клара уехала, Клары нет и не будет; уж если она сделала так, значит так тому и быть; ты не думал о ней, ты не жалел ее, ты был эгоистом, ты подпиливал ее любовь, подкапывался под нее, закладывал мины; ты долго добивался такого конца своими идиотскими вывертами — и добился; а раз так, то стряхни с себя чертов морок!...» [2, с. 107]. Таким образом, кризис приобретает следующий характер: он определяет способ существования времени и пространства в романе. Время перестает быть фоном для событий и становится их содержанием.

Эта особенность приводит к тому, что границы между различными временными слоями в тексте размываются. Прошлое не отделено от настоящего, воспоминания вторгаются в текущий момент, воображаемое сосуществует с реальным. Иными словами, хронотоп романа строится как система наложений, в которой разные формы времени не сменяют друг друга, а существуют одновременно. Это усиливает ощущение внутреннего напряжения и отсутствия выхода.

Таким образом, уже становится очевидно, что А. Волос выстраивает собственную модель пространства и времени, в которой предельное состояние становится нормой, а кризис неким устойчивым режимом существования.

Как было отмечено ранее, одной из ключевых особенностей хронотопа романа «Аниматор» становится последовательный отказ от линейной модели времени. В традиционном романе время организует движение сюжета, выстраивает причинно-следственные связи, формирует перспективу будущего. У А. Волоса эта функция времени принципиально разрушена: «Все. Перерыв. Законный перерыв после пяти сеансов. Я медленно снимаю рабочий халат. Теперь главное, чтобы утихло это бормотание в голове. Щелкаю дверь бокса.

Не утихает. Шагаю по коридору. Вот она, беда аниматора... Так бывает» [2, с. 59]. Время в «Аниматоре» не ведет ни к разрешению конфликта, ни к внутреннему преобразованию героя.

Время романа существует как протяженное «сейчас», в котором прошлое, настоящее и потенциальное будущее оказываются сведены в одну точку напряжения.

Даже когда в тексте фиксируются временные маркеры, они не структурируют повествование, а лишь подчеркивают иллюзию упорядоченности. Сутки, часы, отдельные временные промежутки не становятся опорой для развития, они лишь отсчитывают длительность пребывания в кризисе.

Такое понимание времени сближает роман «Аниматор» с хронотопом предельного ожидания. Однако ожидание здесь лишено объекта. Герои не ждут разрешения, спасения или конца. Само ожидание становится формой существования. Время тянется, замедляется, иногда почти останавливается, создавая ощущение вязкости и невыносимой плотности бытия.

С теоретической точки зрения подобная организация времени соотносится с бахтинским пониманием кризисных хронотопов, в которых момент выбора или перелома растягивается и теряет свою событийность. Однако у А. Волоса этот момент не просто растянут, он фактически лишен переходности. Кризис не приводит к новому этапу, он не имеет выхода за пределы собственного времени.

Отказ от линейного времени отражается и на композиции романа. Эпизоды не выстраиваются в восходящую или нисходящую линию. Они располагаются как последовательные фрагменты одного состояния, каждый из которых воспроизводит общее ощущение застоя и внутреннего напряжения. Повтор становится важнейшим композиционным принципом, заменяя собой развитие.

Таким образом, временная структура «Аниматора» формирует особый тип романного времени, в котором движение заменено пребыванием, а будущее утрачивает статус смыслового ориентира. Это позволяет рассматривать реальность в романе как модель мира, в котором человек лишен возможности выхода из кризиса и вынужден существовать внутри него, приспосабливаясь к его неизменности.

Отказ от линейного времени в романе «Аниматор» подтверждается не только на уровне композиции, но и на уровне авторской фразы. В тексте постоянно фиксируется ощущение затянутости происходящего, когда внешняя событийность не преобразуется во внутреннее движение. Сергей Бармин прямо констатирует состояние остановки: «ничего не происходило», и эта формула повторяется в разных вариациях, становясь маркером хронотопа застоя.

Даже в условиях нарастающей угрозы времени не придается ускорение. Напротив, оно словно распадается на однотипные отрезки, каждый из которых воспроизводит предыдущее состояние. Повествование фиксирует это через телесные и психофизические реакции: «не спал», «устал», «в голове шумело». Время измеряется не часами и днями, а пределами выносливости тела цитата. Таким образом, временной хронотоп смещается из событийной плоскости в плоскость физиологического переживания.

Показательно, что временные маркеры, которые все же появляются в тексте, не структурируют происходящее. Упоминания о сутках, часах, длительности захвата не

создают ощущения движения вперед. Напротив, они подчеркивают монотонность и повторяемость ситуации. В одном из эпизодов Бармин отмечает, что время «тянется», но не меняет ничего по существу. Эта растянутость не связана с ожиданием финала, она существует сама по себе.

Прошлое в романе также не оформляется как завершенный временной пласт. Воспоминания возникают внезапно, без переходов, вторгаясь в настоящее. Например, цитата Сергей Александрович Бармин фиксирует, что образы прошлого «накатывают» сами собой, не будучи вызваны логикой повествования. Прошлое здесь не дистанцировано, оно существует одновременно с настоящим, разрушая временную иерархию.

Результаты. Таким образом, романное время в «Аниматоре» утрачивает линейность и направленность. Оно не ведет к разрешению конфликта и не открывает перспективы будущего. Временной хронотоп организован как длительное пребывание в состоянии кризиса, где повтор заменяет развитие, а выживание подменяет действие. Это позволяет говорить о формировании особого типа кризисного времени, в котором человек не совершает выбор, а вынужден выдерживать заданную ситуацию.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 407.
2. Волос А. Аниматор. – М.: ЗебраЕ, 2005. – С. 271.

